

К 80-летию Владимира Гундарева

«ВСЁ, ЧТО МОГУ, Я НА СЕБЯ БЕРУ!»

Многие годы главным делом жизни известного казахстанского поэта, публициста, переводчика Владимира Романовича Гундарева был журнал «Нива», когда-то им самим придуманный, выпестованный, переживший разные времена и умерший вскоре после неожиданной кончины его создателя. Сам оставаясь в тени, В. Р. Гундарев был в ту пору, пожалуй, главным собирателем литературных сил республики. «Нива», рассчитанная в свое время лишь на творческие мускулы Северного и Центрального Казахстана и читательскую аудиторию этих регионов, со временем завоевала всеказахстанскую известность. А потом журнал хорошо узнали и в России. Обзоры каждого номера «Нивы» регулярно публиковала «Литературная газета».

Мы были знакомы с Владимиром Романовичем без малого 25 лет и больше 20 лет по-настоящему дружили. И при этом не наберется, наверное, и месяца, проведенного нами вместе. Что нисколько не мешало нам дружить и (пусть это и покажется кому-то высокопарным) чувствовать друг друга на расстоянии. Мне давно хотелось написать о Гундареве. Но так уж вышло, что наши не слишком частые встречи либо не оставляли времени для спокойных и обстоятельных бесед, либо сам он деликатно, но решительно уклонялся от разговора о себе. Пока он однажды, опубликовав в «Ниве» мой очередной очерк, как показалось тогда, даже с некоторым вызовом, спросил: а вот о нём очерк мне написать слабо?

И тогда я пустился на небольшую хитрость: составил перечень вопросов и отправил ему, попросив ответить на них письменно. Так родилась эта беседа, которую, впрочем, правильной было бы назвать воспоминаниями Владимира Гундарева о детстве, его размышлениями о собственной жизни и творчестве.

Мы договорились с ним, что будем общаться, как и в жизни, на «ты». И еще я попросил Владимира Романовича по возможности проиллюстрировать ответы на вопросы выдержками из его стихов.

– Все мы родом из детства. Каким было твое? Расскажи о родителях, ярких впечатлениях детства.

– Я – человек деревенский. И не стыжусь этого. Родился я 19 июля 1944 года, как говорила моя мама, на восходе солнца. И мне кажется, что этот нежный утренний свет, несмотря на все жизненные передряги, сохранился в моей душе до сих пор, он и помогает мне всё преодолевать. Родом я из глухих сибирских краев, из Кыштовского района Новосибирской области, который на северо-западе граничит с Томской областью, а на юго-западе – с Омской. От райцентра до железной дороги – 160 километров.

*Здесь березовый свет,
Журавлей на болотах рыданье,
Рыжий колос у ржи,
Бирюзовые очи у льна.
Вдоль угрюмых урманов,
Возле топких озер Васюганья
Протянулась полоской
Родная моя сторона.*

*Простоватой крестьянкой
Притулилась у Тары неловко,
Не прельщая красой
И лукаво к себе не маня.
Но всему вопреки
Неказистая вроде б – Кыштовка
Год от года дороже,
Прекрасней столиц для меня.
Тяготенье земное –
В нем, Кыштовка, твое притяженье, –
Эту властную силу
Я всегда ощущаю вдали.
И, старея, к тебе
Я свое убыстряю движенье, –
Тут и мама моя
стала горстью родимой земли...*

Это уже из стихов последних лет, когда я попытался выразить свое трепетное отношение, свою любовь к этому краю.

Вообще-то родился я в селе Большееречье, но затем отец Роман Тимофеевич вернулся в свою родную деревню Ядрышниково, где жили его родители, младший брат и две старших сестры. Отец был старше мамы на десять лет. Ей было девятнадцать, когда она родила первенца – меня. Отец по тем временам был грамотным человеком – окончил семь классов, у мамы же за плечами всего два класса. Отец уже повидал мир, работал на Дальнем Востоке, в Амурской области, где жили тогда его родственники, их и сейчас там много. Он был болезненным, перенес много операций, поэтому и на фронт его не взяли. В Большееречье был начальником сельской почты, а когда переехали в Ядрышниково, стал вместе с мамой работать в колхозе – пчеловодом на пасеке, а мама ему помогала. Можно сказать, что на пасеке я и рос. До сих пор тепло вспоминаю это время.

Послевоенное детство – как и у всех из моего поколения – было тяжелым. Досыта никогда не ели. С весны до поздней осени мы, ребята, переходили на «подножный корм» – дикий лук и чеснок, ягоды (земляника, клубника, малина, смородина, костяника, черемуха, боярка, шиповник, рябина, клюква, брусника), грибы, рвали в лесу медунки, так называемые «пучки», «шкерды» (очищали их стебли и ели), на берегах озер лакомились молодым камышом. В общем, знали множество съедобных трав. По весне зорили в колках сорочьи гнезда и пекли на костре или выпивали сырыми яйца. Этим и набивали животы. Но есть всё равно хотелось. Главное – мало было хлеба. Да и картошки не вдоволь. Весной, когда на огороде сходил снег, мы собирали оставшиеся и созревшие клубеньки, мама их очищала от кожуры, смешивала эту серую массу и жарила нам на железной печурке драники. Вкуснота необыкновенная!

Немного подрос, лет с шести-семи пристрастился к рыбалке. Самодельными удочками (лески из волос конского хвоста) рыбачил на речке Таре, где ловил пескарей, ершей, чебаков, ельцов, окунишек, и на многочисленных озерах, где водились караси и гольяны. Увлечение карасями у меня сохранилось до сей поры. В рыбалке я был удачлив. К тому же это была весомая прибавка к столу. Мама всегда радовалась, когда я возвращался с добычей. Этому умению меня научил мой крестный, дядя Саня, он был сторожем на пасеке, мы с ним там ночевали, а раненько уходили рыбачить на озеро Коно-

пляное – в километре от пасеки. По ведру карасей иногда притаскивали! Из всех снастей я признавал только удочки.

Кстати, о дяде Сане у меня есть стихи «Всё может быть...». Приведу такие строки:

*...И только сторож пасеки колхозной
 (Был одноногим дядя Саня наш)
 Считался человеком несерьезным,
 Внося в беседы эти ералаш.
 Был весел он, философ деревенский,
 Мастак затеять безобидный спор,
 То острое словцо вдруг вставит веско
 Он в простодушный сельский разговор,
 В глазах скрывая синие сполохи,
 Невозмутимый сохраняя вид,
 Такое скажет, что дружный хохот
 Раскатами в деревне загремит.
 То, новостью внезапной ошарашив,
 С три короба, придумщик, наплетет,
 Потом, поправив ногу-деревяшку,
 Опять сигарку новую свернет.
 Любил он повторять одно и то же,
 Ладонью припечатывая в такт:
 «Всё может быть,
 Лишь быть того не может,
 Чего уже не может быть никак...»*

Ну и так далее.

Колхоз – он и для детворы колхоз. Сызмальства мы стали помогать старшим. Сажали и копали картошку, во время сенокоса (а всё тогда делалось вручную и на конской тяге) на лошадях возили копны. Женщины косами-литовками косили траву, а мы, мальцы, когда трава в рядках подсохнет, граблями переворачивали сено. В общем, дел и нам хватало. В уборку, когда подросли, были копнильщиками на уборочных агрегатах, помогали обмолачивать рожь, горох, рвали лён-долгунец. Зарабатывали первые трудовни, на которые по итогам колхозного года мало что причиталось. Впрочем, речь сейчас не об этом. Просто мы не были тогда белоручками и в меру сил помогали родителям...

Да, забыл сказать, что деликатесами для нас, детей, были брюква (особенно пареная), репа и кормовой турнепс. Хлеб же мама пекла в печи ржаной, да и то смешивала муку с тертой картошкой. Вот такие ковриги и насыщали наши голодные рты. Белого – пшеничного хлеба мы (через три года после меня родился брат Михаил) не видели. Такой хлеб ела только семья моего родного дяди Трофима (он работал в МТС бригадиром тракторной бригады), жившая в доме-пятистенке моего деда Тимофея Кондратьевича рядом с нашей неказистой избой. Иной раз, когда голод давал о себе знать, я стоял у высоких тесовых ворот этого крепкого двора и клянчил: «Тетя Лена, откложите лавота (так я произносил слово «ворота»), дайте мне хлеба». Жена дяди Трофима выходила, открывала с щеколды калитку и выносила мне душистый пшеничный ломоть. Многое из той поры стерлось в памяти, а вот это попрошайничество осталось. (Вообще-то хлеб досыта мы стали есть где-то с 1954-1955 года, когда началось освоение целины.)

Дед Тимофей (бывший мельник, а потом плотник, и очень умелый), мягко говоря, был скуповат и прижимист, под стать ему была бабушка Евпроксия. Кстати говоря, дед был рыжебород, курил трубку, больше молчал, чем говорил, на нас, внуков, внимания не обращал. Породы он был крепкой, прожил до 86 лет, правда, трубку уже не курил, но стопочку-другую (когда я приезжал в деревню в гости, уже став журналистом) вместе со мной выпивал. Под конец жизни он подобрел ко мне и охотно со мной общался, хотя говорил по-прежнему мало. Наверное, что-то от деда Тимофея (его звали в деревне «дед Тимак») передалось и мне. Во всяком случае, курение трубки. А вот дожить до его лет – об этом и мечтать нечего.

Отрадой той поры для меня была пасека. Я любил там бывать, с любопытством наблюдал за таинственной для меня жизнью пчел, укусов их не боялся (хотя бывало, что пчелы и жалили меня), любил густой и тяжелый аромат раскинувшегося рядом с пасекой белого поля цветущей гречихи, с которой пчелы собирали тягучий нектар. А когда отец качал мед, я помогал крутить ручку медогонки, а потом с удовольствием ел «ошурки» – срезанные с рамки верхние части запечатанных пчелами восковых сот. Однако не был падок на мед, особого пристрастия к нему не испытывал – в отличие от брата Мишки, который мог съесть этого лакомства довольно много. Пожалуй, именно на пасеке, в прекрасном уединении, я научился общаться с природой, полюбил её.

О том времени у меня есть написанные еще в молодости стихи «Слово об отце». Приведу несколько строф:

*В душе пора не запорошена,
Её я снова повторю:
Вот смеха катятся горошины,
С отцом опять я говорю.
В лохматых каплях клевер розовый,
Мы на траве лежим с отцом.
И день – белесый и березовый,
К нам прикасается лицом.
Синичка рядом тонко тенькает,
Спешат куда-то муравьи.
Мое сердчишко бьется птенчиком
От неосознанной любви...*

Когда я писал эти и последующие строки, то видел перед собой пасеку и её окрестности.

– Где и как ты учился? Твои воспоминания, связанные со школой.

– В родной деревне Ядрышниково я закончил школу-четырёхлетку, а потом стал учиться в семилетке – в соседней деревне Заливино, где жил брат моей матери дядя Алексей, бывший фронтовик. Было одно неудобство – наши деревни находились друг от друга всего в трех километрах, но их разделяла река Тара. Переправиться на другой берег можно было только на лодке. С этим же постоянно возникали проблемы. Весной и осенью по этой причине не каждый день прибежишь из школы домой, приходилось обитать у дяди Алексея. Да и зимой – в морозы и снегопады – тоже дома появляешься один-два раза в неделю. Вот и жил я у дяди Алексея, принося для питания в тощем мешочке – «сидоре» не то что снесь, а так, что было – ковригу хлеба да шмат сала. Тетя Маруся – жена дяди Алексея – относилась ко мне по-доброму, всем, что было на столе для своих, кормила и меня.

С одежкой и обувкой в то время тоже худо было. Много лет спустя, когда меня на родине узнали как поэта, учитель литературы и русского языка в семилетке Леонид Павлович Полукеев рассказывал моей однокласснице Светлане Масловой, с которой мы потом учились в средней школе в Кыштовке (мать Светланы – родная сестра Полукеева): «Никогда не забуду 1 сентября 1955 года. К нам тогда в пятый класс из деревни Ядрышниково пришли несколько учеников. И вот – торжественная линейка. Каждый обут, одет – насколько позволяли возможности родителей. Смотрю – и глазам своим не верю: один вихрастый мальчишка стоит в этом строю... босиком! Это был Володька Гундарев».

Я любил школу, любил учиться. Ровно успевал по всем предметам. Но особенно любил литературу и русский язык. Читал запоем. (Я и сейчас постоянно учусь, правда, больше забываю, чем оставляю в памяти.) И Леонид Павлович всячески поощрял мою тягу к знаниям, мой интерес к литературе. Уже тогда я сочинял стихи. Леониду Павловичу я признателен за поддержку. Многим я обязан и своему первому учителю, бывшему фронтовику Михаилу Федоровичу Чебыкину. Михаил Федорович учил меня с первого по четвертый класс и был расположен ко мне.

Через год, где-то с шестого класса, из нашей деревни только один я учился в семилетке, остальные мои сверстники и сверстницы по разным причинам бросили учебу.

В 1958 году я сдавал экзамены за седьмой класс. Только сдал первый экзамен (по математике, получил пятерку), как 2 июня, на Троицу, умер (в 42 года) мой отец. После его похорон я пришел, зареванный, на письменный экзамен по русскому языку и литературе. Директор школы предложил: «Мы тебя освобождаем от дальнейших экзаменов, поставим тебе тройки, согласен?» Но я отказался. Сказал, что буду сдавать. Пишу сочинение, а слезы каплют на тетрадные листы... Всё же написал. Получил пятерку. На «отлично» сдал и последний экзамен.

После смерти отца (нас у мамы осталось четверо – кроме меня и Мишки две сестренки: шестилетняя Вера и годовалая Наташка) надо было помогать матери. И я лето работал в колхозе прицепщиком на тракторе у дяди Трофима (к тому времени он стал уже рядовым механизатором). Были не только дневные смены, но и ночные, особенно трудные для меня. Ничего, привык, втянулся. Даже трактором ДТ-54 научился управлять.

Это время тоже запечатлелось в стихотворных строчках:

*А пчелы брали мед в гречишнике,
Гудели в желтой мгле акаций.
И мне в четырнадцать мальчишеских
Пришлось отчаянно мужаться.
Мгновенно кончились все праздники,
Мне тяжелее час от часа –
В июньский день на тихой пасеке
Отец скончался...
И плакал я от горя страшного,
Как плачут дети, враз взрослея.
Стал неожиданно за старшего
В своей потерянной семье я...*

Вполне возможно, что впоследствии я бы стал механизатором, а то, глядишь, и бригадиром... Но мне хотелось учиться. Уговорил маму отпустить меня 1 сентября в восьмой класс. Средняя школа находилась в райцентре, в

25 километрах от нашей деревни. Значит, в Кыштовке надо было определяться к кому-нибудь на квартиру. Слава Богу, жил не у чужих людей, – у дальних родственников со стороны отца, но всё равно не дома... У меня всегда глаза на мокром месте, когда я смотрю фильм по рассказу Валентина Распутина «Уроки французского». Это и обо мне тоже. Во всяком случае, в отдельных эпизодах узнаю себя, да и окружающая обстановка, дух времени – соответствует тому, что пережил и почувствовал я.

В средней школе мне очень повезло с преподавателем литературы. Раиса Павловна Рассказова сыграла большую роль в моей судьбе, всячески поощряла мое увлечение стихотворчеством, относилась ко мне... ну... как к близкому человеку, переживала за меня и поддерживала, воодушевляла. И я сам всегда впоследствии испытывал к ней теплые, прямо-таки родственные чувства. Она тогда даже мои сердечные тайны знала. Да и потом, спустя годы, догадывалась, что я всегда любил одну свою одноклассницу. К сожалению, тогда без взаимности. Мы до сих пор с Раисой Павловной в дружеских отношениях. Нынче ей исполняется 75 лет... А пять лет назад она отмечала свой 70-летний юбилей. Как раз в те дни моя младшая дочь Ассоль защищала в мединституте кандидатскую диссертацию. И всё же я рванул на юбилей учительницы. Из всех её бывших учеников я был единственным, кто приехал издалека, даже из другого государства.

Вообще о детстве, о взрослении, о трудной и прекрасной поре жизни можно рассказывать долго и много. Ведь именно там истоки всего. И хорошего, и плохого.

Что касается ярких впечатлений детства, то о некоторых из них я уже рассказывал. К этому добавлю, что когда я пришел «первый раз в первый класс», то сразу же любимой книгой стал букварь (до школы я читать не умел), я любил моих учителей, которых уже назвал, и еще я был ошеломлен, когда стал понимать и чувствовать неброскую красоту природы. Об одном из ярких впечатлений детства можно узнать из стихотворения «Потрясающие события». Вот его начало:

*Не помню в каком году –
Возможно, в пятьдесят первом,
Однажды по нашей деревне
Полуторка пронеслась.
Шарахались куры и гуси,
В испуге теряя перья,
Но лихо летела машина,
Разбрызгивая грязь.
А мы, пацаны босые,
На это чудо глазели,
Затем, подвернув штанины,
За ней припустили вмиг.
И пузырились наши
Рубахи из бумазеи,
Мы ликовали: отныне
В колхозе есть грузовик!..*

– Первые ростки творчества: как, откуда, почему? Когда ты понял, что поэт?

– Я был таким же, как все деревенские мальчишки, и всё-таки внутри что-то необъяснимое меня будоражило и томило. В школе я сразу же полюбил стихи, чувствуя в них какое-то волшебство. И мне самому захотелось сочи-

нять, придумывать. Кажется, во втором классе у меня получилось примерно такое: «Вытаращив глаза, бежит по дороге коза». Смешно? С этого всё и началось. Мне понравилось рифмовать. Уже в семилетке мое пристрастие к стихам ни для кого не было секретом. А когда учился в средней школе, писал много, меня все называли поэтом, я уже тогда мечтал стать журналистом и писателем. С восьмого класса я стал своим человеком в редакции районной газеты «Колхозный путь». Сначала писал короткие заметки, а уже весной 1959 года было опубликовано мое первое стихотворение. Невозможно передать, что я испытывал, когда увидел напечатанными в газете свои стихи. С тех пор и пошло... Редакция районки стала для меня родным домом, по существу, моей первой и главной в жизни газетой. Она дала мне путь в литературу. Поэт ли я – трудно сказать, но стремление им стать не давало мне покоя. Никогда не забуду такой случай. Еще был жив отец (кажется, это было незадолго до его кончины). Мы сидели за столом, обедали, и я вдруг брякнул: «Папа, а я хочу быть поэтом». Он так посмотрел на меня пронзительно, такую боль я увидел в его голубых глазах, что осекся. Отец ничего не сказал. Но уже потом, когда его не стало, я понял, что таил его взгляд. Отец наверняка чувствовал: жить ему осталось мало (год назад в Новосибирске ему сделали сложную операцию, вырезали одно легкое и от второго часть отрезали), а мне придется бросить школу и идти работать в колхоз... «В лучшем случае ты станешь трактористом, надо помогать матери растить младших. Вот тебе и вся поэзия...» Этот отцовский взгляд я чувствую и поныне... Я очень любил отца. И до сих пор для меня он очень дорог, я постоянно ощущаю его взгляд – но уже строгий и требовательный. Много лет спустя я написал стихи, в которых есть такие строки:

*И каждый раз, когда моя дорога
К порогу дома отчего вернется, –
Отец с портрета сразу глянет строго,
А мама в грудь мою лицом уткнется.
За худенькие плечи обнимая,
Оцепенею от гнетущей боли:
«Какая же ты маленькая, мама!
Как высохла от горькой вдовьей доли...
Становишься всё меньше...
Что тут скажешь? –
Так облако под ярким солнцем тает.
В какой-то миг – представить страшно даже –
Неужто и совсем тебя не станет?..
И всё, что с нею связано – то свято,
И дорожу я этим беспредельно.
А мама улыбнется виновато:
«И как тебя я нынче проглядела?
Ведь глаз с дороги не сводила прямо,
И всё из рук валилось, право слово,
Как чуяла, что ты без телеграммы
Заявишься домой внезапно снова».
И захлопочет оживленно рядом,
И снедью стол оставит предо мною.
А я, отцовским пригвожденный взглядом,
Стою, не смея сесть к нему спиною.*

*И спазмы перехватывают горло:
«Ну что, отец, ты душу мне тревожишь?
И смотришь на меня с немым укором,
Ведь ты теперь меня уже моложе,
А я всё старше буду год от года.
Такое предназначено судьбою.
Я без тебя одолевал невзгоды,
Ну, в чём же я повинен пред тобою?
Ведь я над жизнью матери не властен,
От хвори убережь её не в силах...
Пусть не всегда
Был путь мой прям и ясен
И ветром по земле меня носило
Из края в край,
Но на дорогах трудных
Я не подвел, ничем не опозорив
Тебя и мать.
Так было и так будет,
Покуда надо мною светят зори...»*

Извини за длинное самоцитирование, не удержался... Заканчиваются эти очень важные для меня стихи такими строчками:

*... И чтобы о давно ушедших память
Забвения травой не зарастала,
Нас честными отцовскими глазами
Оценивает время непрестанно.*

По складу души я лирик, всё, что меня тогда окружало, требовало выхода. Чувства, бушевавшие меня, хотелось выразить «складно», своими словами. Так было в начале творческого пути, так и осталось...

Мама – Мария Егоровна – после смерти отца тридцать с лишним лет работала на ферме телятницей, имела немало поощрений и наград, в их числе орден Трудовой Славы третьей степени... Умерла в 1995 году, через два месяца после своего семидесятилетия... Брат и сестренки в свое время (каждый в разные годы и по отдельности) жили у меня в Целинограде, но потом всё-таки по разным причинам вернулись в деревню, в сельской местности живут и сейчас. А вот у меня судьба сложилась иначе. Вопреки и наперекор обстоятельствам я шел к своей цели. Знаешь ли, отцовский взгляд меня подталкивал. Отец, как мне представляется, был и остается моим ангелом-хранителем. За последние годы он меня трижды спасал от смерти. Теперь всё – «лимит» исчерпан... А еще, наверное, и данный мне какой-то божий дар не давал смириться, подталкивал вперед.

– Как вообще пишутся стихи? Что первично: мысль, образ, тема, ритм, настроение?

– На это я затрудняюсь тебе ответить толково и вразумительно, ибо «тайна сия велика есть». Стихи пишутся и рождаются по-разному, чаще всего стихийно, когда поступит толчок извне, может быть, свыше. Это называют вдохновением. Хотя можно себя и заставить писать стихи. Такое у меня тоже часто бывало. Работаешь-работаешь, пересиливаешь себя, ломаешь преграды, а потом увлечешься – и вдохновение накатило.

А что первично: мысль, образ, тема, настроение? Правил тут нет. Опять же случается по-разному. То вдруг зацепит тебя внезапно возникшая мысль, показавшаяся тебе интересной, нетривиальной, то появится зримый образ или сразу же в мозгу вспыхнет строчка, от неё и начинаешь «танцевать», мгновенно отключаясь от окружающего тебя мира. Многое значит и настроение... Всё это сугубо индивидуально. Нередко озарение приходит в совершенно неподходящей ситуации. Это может быть и на шумной улице, в грохочущем поезде или в переполненном автобусе. А то и ночью строчка приснится... Первично всё-таки Слово... Спроси у своей жены, поэтессы Ольги Григорьевой. Думаю, она ответит то же самое.

Сказывается и настроение. Многие стихи окрашены настроением автора. Оно может быть всяким. В зависимости от него и тональность стихов.

Вот сравни:

*Ах, какое настроенье у меня! –
Словно радостью внезапно наградили.
Я иду по бело-синей кромке дня.
И белы деревья, как на негативе.
И дома белы на улице, взгляни:
Облаченные в сугробы изваянья,
Низко крыши нахлобучили они,
Погруженные в свои воспоминанья...*

Это относительно ранний Гундарев.

*Всё так же, как весной,
Бывает в октябре,
Когда в тиши лесной
Стоят деревья голы.
Березы на заре
Блещат, как в серебре,
Но морок пеленой
Окутывает доли.
И дождик проливной
Из низких облаков,
И в речке предо мной
Опять набухло русло.
И стайки воробьев
Сухой находят кров.
Всё так же, как весной.
...Лишь только грустно.*

Это написано уже в годы зрелости.
А вот строфа из «поздней» лирики:

*Даже долгая жизнь всё равно коротка,
А ведь я еще даже и не жил.
И тебя, – мимолетно коснувшись виска, –
Слишком мало ласкал я и нежил...*

Или вот:

*...Теперь же мне под шестьдесят.
Но ясен мой беспечный взгляд,
В душе я молод – ты со мною!
И что оставшийся мне путь,
Коль силы распирают грудь
И осень кажется весной!*

Эти строчки взяты из стихов, выплеснувшихся уже нынче, в 2002 году. Пожалуй, вне зависимости от возраста многое в стихах определяет именно настроение. Но к этому нужны еще умственные и прочие способности.

– Кто поэт, а кто нет? Как это определить?

– Всё это субъективно. Ведь существует тонкая и невидимая грань, по одну сторону которой поэзия, а по другую – её подобие. Если по большому счету, то я боюсь причислить себя к поэтам (хотя хочется верить, что это так). Если же я действительно поэт, то, пожалуй, довольно средний. Уж какой есть. Выше головы не прыгнешь. Вообще-то по неуловимым признакам можно отличить поэта от графомана, настоящую поэзию от умелого версификаторства – труднее. Критерии, конечно, есть, но пользоваться ими сложно. Внешние признаки поэзии еще не всё, чтобы окончательно определиться и дать оценку автору. Нужно еще и чувствовать изнутри.

– Как родилась «Деревенька»? Как стала песней? Вспомни истории, связанные с «Деревенькой».

– Как родилась «Деревенька»? Понимаешь, меня всегда тянуло домой, то есть на родину. Но в молодые годы далеко не всегда удавалось провести свой отпуск в деревне. Это уже позже, став постарше, пока жива была мама, я старался навещать её ежегодно. Так вот, зимой 1971 года я так затосковал по родине, что спасу нет. Чтобы облегчить душу, в один присест, примерно за час, написал стихи «Деревня моя деревянная». А потом и еще большой цикл стихов об этом, в том числе и с такими «программными» строчками:

*...Не франтоваты, не парадны,
Походки ваши не легки, –
Вы угловаты и нескладны,
Мои родные земляки.
Иваны, Марьи и Семены
Ждут свой черед, светло тихо.
Входи, деревня, поименно
В мои сыновние стихи...*

Впоследствии этот цикл составил основу моего первого сборника стихов «Деревня моя деревянная», вышедшего в 1973 году.

Как раз в ту пору началась повальная кампания по уничтожению так называемых «неперспективных» деревень. И мои стихи были как раз стихийным, неосознанным протестом против этого варварства. Кстати, под этот нож чуть не попала и моя любимая деревня Ядрышниково. Её спасло чудо – появление песни «Деревенька моя». История её возникновения любопытная. Сначала стихи «Деревня моя деревянная» были опубликованы в областной газете «Целиноградская правда», потом я их отправил в одну из новосибирских газет. Там-то, видимо, они и попали на глаза композитору Николаю Кудрину, он искал слова, чтобы написать песню о деревне. Мои стихи пришлось ему по душе, он и создал песню «Деревенька моя», взяв из стихов только три,

наиболее подходящих, «поющих» строфы. Естественно, об этом я не знал и не ведал. Как потом выяснилось, первым исполнителем «Деревеньки» был самодеятельный ансамбль «Ваталинка», которым руководил Н. Кудрин. Ансамбль пел её в кремлевском Дворце съездов на заключительном концерте Всероссийского фестиваля народной песни. Потом её стал исполнять Сибирский народный хор, а солисткой была заслуженная артистка России Галина Меркулова (с ней я был раньше знаком и даже немного влюблен в неё). Кстати, несколько лет спустя Сибирский народный хор приезжал к нам в Целиноград, и эта песня звучала в моем присутствии на концерте во Дворце целинников. Не скрою, мне было приятно, когда объявили, что автор стихов находится в зале. Пришлось встать... Но это было потом...

В 1973 году «Деревенька моя» зазвучала по Всесоюзному радио в исполнении заслуженной артистки России Нины Пантелеевой и вокального квартета «Улыбка». Тогда-то я впервые услышал эту песню. Правда, автором слов значился И. Гундарев. Осенью того же года я был на лечении в Алуште, увидел афиши, что выступает Нина Пантелеева, пошел на концерт. Вовсе не думал, что для изысканной курортной публики она будет петь «Деревеньку». А она спела... В антракте я набрался смелости и пошел за кулисы, чтобы познакомиться с певицей. Встрече Нина Пантелеева обрадовалась (мы потом долго с ней переписывались), порывисто меня обняла: «А мы с Николаем Кудриным найти вас не можем... Вы знаете, Володенька, какой это замечательный шлягер!» Она дала мне адрес композитора, пообещала, вернувшись в Москву, прийти на радио и исправить ошибку в моих инициалах (слово она сдержала). Я написал в Новосибирск Николаю Михайловичу, так мы с Кудриным заочно познакомились. Даже написали еще одну песню – о Сибири, но она такого звучания, как «Деревенька», не получила. К сожалению, с Николаем Михайловичем встретиться нам так и не удалось, а несколько лет назад композитор Кудрин, ставший народным артистом России, умер...

«Деревенька моя» стала звучать и на Центральном телевидении – в исполнении народной артистки России Ольги Воронец, да и вообще – к моей неожиданности – стала в народе очень популярной, в том числе и в застольях, чуть ли не наравне с «Шумел камыш».

Удивительно, но эта песня живет и сейчас, вот уже 30 лет. (Добавлю от себя, живет до сих пор – спустя больше десяти лет после кончины Владимира Романовича. – Ю. П.)

Между прочим, Ольга Воронец, однажды зимой, уже в восьмидесятые годы, была с концертами в моем родном Кыштовском районе. Там её на руках носили. Мне об этом написала бывшая учительница Раиса Павловна Расказова. А тут сразу же у меня выпала командировка в Москву. Уже в последний день перед отъездом в Целиноград я пересилил свою застенчивость и позвонил Ольге Воронец (номер телефона у меня был), представился, услышал её восторженный, но простуженный голос: «Вы знаете, как меня приняли на вашей родине! Хотя морозы были под сорок градусов, но мне было так тепло! На одном из концертов была ваша младшая сестра, мне её показали. Познакомилась я и с вашей учительницей. Правда, маму вашу не видела, до её деревни мы не смогли доехать. Но когда я увидела эту природу, то поняла, что стихи о деревеньке могли родиться только здесь... И всё же я в Сибири простыла, только вернулась оттуда, сейчас сильно gripую. Через день-два я буду готова пригласить вас, Володя, в гости». Я поблагодарил Ольгу Борисовну и сказал, что, к сожалению, ночью улетаю. Встретимся в следующий раз... Но так и не получилось.

«Деревеньку» я слышал многократно в прекрасном исполнении и замечательных солистов, и разных коллективов. Но особенно был растроган, когда приехал в родительский дом, вечером мама собрала гостей-односельчан, а потом они после рюмки-другой вдруг переглянулись и запели «Деревеньку». И столько в их непоставленных голосах было искренности, задушевности, что на моих глазах выступили слезы. Испытать такое – счастье. Это высшая награда для автора от земляков. Это моими словами они выражали свою любовь к родной стороне.

– **Правда ли, что ты живешь на доходы от своей «Деревеньки»?**

– Да, еще в семидесятые годы мои московские друзья пустили шутку: «Гундарев – последний русский помещик. Он до сих пор живет на доходы от своей “Деревеньки”». Действительно, если бы в те годы собрать все отчисления, которые я получал за исполнение песни через Всесоюзное агентство охраны авторских прав, в том числе и за рубежом, то на эту «ренту» вполне можно было купить «Жигули». Я же эти гонорары, разумеется, растранижил – не скопидом, не в деда-мельника пошел. Правда, потом, по причине раздела Советского Союза гонорары за «Деревеньку» иссякли, но недавно в сфере оплаты за «труды праведные» произошли изменения, и я получил из России за исполнение «Деревеньки» еще тысячу рублей. Однако «последним русским помещиком» меня уже не назовешь – появились новые помещики. Я им в подметки не гожусь.

– **Есть ли у читателя Гундарева любимые строки поэта Гундарева?**

– Стихи и книги – это те же дети. Не мною это сказано, но я совершенно с этим согласен. И все они одинаково дороги, даже неудачные. Ведь каждая строчка выстрадана, прошла через сердце. Конечно, со временем к каким-то стихам охладеваешь, но ни от чего из написанного я не отказываюсь. В них вся моя жизнь. Совершенства в стихах, пожалуй, добиться не удалось, к тому же оценивать собственные стихи невероятно трудно, восторгаться ими я не могу, но и в обиду их не дам. Назвать любимые стихи – не знаю, не получится, но главные, важные – есть. Хотя бы вот эти:

*Когда легко мне что-то удается
И чувствую, что двигаюсь вперед,
То в спину мне язвительно несется:
«Он слишком много на себя берет!»
Когда же, пересилив злые беды,
Я становлюсь сильнее, наоборот, –
Злословят с толку сбитые соседи:
«Он слишком много на себя берет».
Когда я ошибаюсь, не безгрешен,
Советчиков не ставя ни во грош, –
«Друзья» такое выскажут при встрече:
«Ты слишком много на себя берешь.
Чтоб шею не свернуть,
Ты помни меру,
Не зарывайся, мы к тебе с добром.
Живи спокойно,
Вот как мы, к примеру,
Мы лишнего на плечи не берем».
Да, я живу, делами перегружен.
Пусть у меня не та, как прежде, стать,*

*Но если я еще кому-то нужен,
Я на себя не стану меньше брать.
Вновь перед собою ставлю «сверхзадачу».
Пусть говорят:
«Не приведет к добру»,
Но если я еще хоть что-то значу, –
Всё, что могу,
я на себя беру!*

Возможно, стихи не очень удачны, но в них мое кредо.

– Кто твои поэтические учителя и любимые поэты?

– Моим коллективным поэтическим учителем стала русская классика. Что касается любимых поэтов, то их тоже немало. Стоит открыть любую книгу в моей домашней библиотеке, и в сборнике даже не очень знаменитого поэта, а то и вовсе малоизвестного можно найти прекрасные классические строки, которыми уместно восторгаться. Ведь в историю поэзии можно войти и одним стихотворением, даже одной строчкой. В детстве и юности я очень любил Есенина и Маяковского (и сейчас люблю), Пушкина, естественно, тоже почитал, но всю глубину его гения постиг значительно позже, с возрастом. Надо самому иметь отношение к творчеству, чтобы понять и оценить всё величие Пушкина, «поэта на все времена». Я часто обращаюсь к его творениям. Недавно снова перечитал его десяти томник. Пушкин велик в каждой строчке, в том числе в исторических исследованиях, публицистике, письмах... Не представляю русскую поэзию без Лермонтова, Тютчева, Баратынского, Некрасова, Блока... Любимы мною А. Твардовский, П. Васильев, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, В. Соколов, Н. Тряпкин, В. Федоров...

– Как ты оказался в Казахстане, чем здесь занимался?

– Как я оказался в Казахстане... Судьба... В сентябре 1960 года, в шестнадцать лет, я уехал из Кыштовки в Кемерово, к дяде Александру, брату отца. Так сложились жизненные обстоятельства, что немного запутался. А тут еще и несчастная любовь... Добрые люди помогли получить паспорт, я вырвался из колхозного «крепостного» права. В общем, уехал. В Кемерово пришел на студию телевидения, сначала сотрудничал внештатно, видно, показал себя, меня взяли в штат младшим редактором «последних известий». Писал тексты к телесюжетам, даже очерки делал. Параллельно учился в вечерней школе. Был активным комсомольцем. Тогда много говорилось о целине. В марте 1961 года Акмолинск был переименован в Целиноград, тема целины зазвучала с новой силой, и я решил поехать в Казахстан. Написал письмо в Целинный крайком комсомола, но, не дожидаясь ответа, махнул в Целиноград, наивно считая, что там без меня не обойдутся. Короче говоря, в конце мая я уже был в Целинограде (мне не было еще семнадцати). Много всякого пережил-перенес. Но опять мне повезло на добрых людей. С газетой «Молодой целинник» не получилось. И я появился на Целинном краевом радио. Несколько месяцев был внештатным корреспондентом, жил только на гонораре, а 1 сентября меня зачислили в штат.

Моим наставником и учителем стал Моисей Михайлович Гольдберг, он что-то увидел во мне, поддержал. Я многим ему обязан. Мы дружим все эти годы, до нынешней поры. В марте 1963 года я стал членом Союза журналистов СССР – одним из самых молодых в стране, ибо у меня уже был необходимый профессиональный стаж. Получилось так, что это я без Целинограда не смог обойтись.

Осенью того же года меня призвали в ряды Советской Армии. Служил три года в Бакинском округе ПВО. Часто публиковался в окружной газете «На страже», в других газетах и даже в журналах. Два армейских года был инструктором политотдела по комсомольской работе. После службы мне предложили три варианта: поступать во Львовское высшее военно-политическое училище; идти работать в штате окружной газеты; остаться на сверхсрочную службу в вышестоящем политотделе. Но я вернулся в Целиноград, где меня ждали, и стал работать на областном радио редактором молодежной радиостанции «Товарищ». Здесь поэтическим творчеством я стал заниматься уже целеустремленно. И в ноябре 1970 года меня пригласили на работу литературным консультантом Целиноградского межобластного отделения Союза писателей Казахстана. Целых двадцать лет я учился сам и учил других. Это были плодотворные годы. Я написал и выпустил полтора десятка поэтических сборников и художественно-документальных книг. А заметил меня и перетащил к себе тогдашний ответсекретарь отделения Союза писателей, поэт и прозаик Нургожа Уразов, за что я признателен ему. В 1978 году меня приняли в ряды Союза писателей СССР – в 34 года, что по тем временам тоже было редкостью.

Правда, о периоде литконсультантства у меня есть грустные стихи:

*Ты рукописи должен разбирать:
Оценивать стихи,
вникать в рассказы
И радоваться каждой
яркой фразе, –
Но вспоминай
и про свою тетрадь.
А там листы пугающе чисты, –
Как осенью пусты
Поля и чащи, –
Тебе сюда б заглядывать почаще,
Но беззаботен почему-то ты...*

А заканчивается стихотворение так:

*А спохватился:
Цель-то далека.
Намереньями
Долго жил благими.
И ускользает от тебя строка,
Твои стихи –
Написаны другими.*

Хотя, если честно, эти упреки справедливее отнести не к тому времени, а к периоду работы в «Ниве».

– Можно ли считать «Ниву» главным делом твоей жизни?

– Как бы там ни было, – несмотря на это откровенное признание, – я действительно считаю «Ниву» главным делом своей жизни. Ты знаешь, я не мистик, но склонен считать, что был голос свыше. А репродуктором, передатчиком этого повеления стал писатель Алексей Борисович Дебольский, который в августе 1990 года предложил мне взяться за издание регионального литературно-художественного журнала – на северные и центральные обла-

сти Казахстана. Уверял, что у меня получится. Я и взялся... 17 апреля 2002 года исполнилось 11 лет со дня выхода первого номера «Нивы». Вот уже второй год журнал выходит ежемесячно. Он стал не только всеказахстанским, «Ниву» хорошо знают и за пределами республики, прежде всего в России... Да, журнал – главное дело моей жизни. Мне кажется так. Я этим живу. Журнал и любовь – для меня всё.

– Какая «Нива» тебе больше по душе – старая или новая?

– Конечно, прежнюю «Ниву» не сравнить с нынешней. Я тогда отдавал ей всего себя без остатка, отдаю и сейчас. Прежде она доставляла мне очень много хлопот и огорчений, на каждый номер приходилось выколачивать деньги, идти на поклон. Правда, тогда я был бедным, беззащитным, но полновластным хозяином журнала. Сейчас ситуация несколько иная. Мне надо считаться с мнением учредителя и издателя «Нивы» – ОАО «Республиканская газета «Казахстанская правда», зато нет финансовых проблем. Главное – «Казправда» спасла журнал, когда он фактически находился на грани закрытия. Благодаря этому «Нива» не только сохранилась, но и возродилась, обрела новое лицо. Так что спасибо Анатолию Гурскому и Валерии Михайлову, они взяли «Ниву», могут быть, ради меня, а еще и учитывая нужность этого журнала.

Что же касается моих амбиций и честолюбия – то это мне, полагаю, не присуще. Собственную линию в журнале я выдерживаю. В целом мне доверяют. Остальное можно пережить.

– Можно ли считать годы руководства «Нивой» вычеркнутыми из жизни поэта Гундарева? Не писалось или руки не доходили?

– Я просто не представляю, чем бы я занимался, если бы у меня не было «Нивы». Ведь поэзия, литературное творчество в целом всегда были своеобразным приложением к моей обычной жизни и деятельности, хотя и занимали в судьбе видное место. Я же не был поэтом в чистом виде, жил не только литературным трудом. И кто меня сегодня знает как поэта?

В общем, я не могу считать годы руководства «Нивой» вычеркнутыми из жизни поэта Гундарева. Да, в эти годы я стихов писал меньше, чем прежде. Но ведь и возраст подошел, когда «лета к суровой прозе клоняют». Не то что не писалось, просто времени не было. И потом: есть изречение, что хороший поэт в год должен писать не больше 10-12 стихов. Это меня утешало. Раньше я писал значительно больше. Потом стал писать меньше 10-12 в год, всего несколько. Следовательно, я – хороший поэт (шучу). К тому же всплески вдохновения у меня бывали и в минувшие годы. Приходит озарение и сейчас. Занимался я и документальной прозой, кроме того, переводил с казахского повести и рассказы. И потом – разве плохо, если поэт руководит журналом, именно литературным, отдавая ему свои знания, опыт, умение, мастерство? О чём еще мечтать в наше время? Слава Богу, что у меня получилось так. В молодости мне помогали, теперь я должен помогать другим.

– Какую пору (периоды) своей жизни считаешь лучшими и почему?

– Прошедшую жизнь я не делю на периоды. Они все взаимосвязаны, один перетекает в последующий. И всё прожитое является для меня единым, цельным лучшим периодом. Надо ценить то, что было, поскольку впереди у меня практически ничего не осталось, а будущее для меня – это могила, смерть. Произойти это может в любой момент. «Любовь и смерть приходят навсегда» – есть у меня такая строчка...

– Самые грустные и радостные события твоей жизни.

– Самые грустные – это, конечно, смерть отца и матери, близких, друзей. Я уже очень многих дорогих мне людей потерял. Невольно воспомина-

ется чья-то строчка: «Наша жизнь – это музей, где висят портреты друзей»... Радостных событий тоже было много: любовь, рождение детей и внуков. Что касается творчества, то это первые опубликованные стихи, первая книга, первый номер журнала «Нива».

– В чём, по-твоему, смысл жизни?

– Если ответить примитивно, то смысл жизни в самой жизни, надо просто жить, радоваться каждому мгновению, но при этом не быть растением, а стремиться к чему-то важному, недостижимому, идеальному, делать добро другим людям, даже зная, что добро, как правило, наказуемо. Да, вспомнились собственные строчки: «И хочется до сладких слез любить, чтоб целый мир обрадовать любовью».

– Твое представление о счастье?

– У каждого своя формула счастья. Помнишь, в одном старом фильме прозвучала из уст подростка очень глубокая фраза: «Счастье – это когда тебя понимают». В этом особый смысл. Для меня счастье – заниматься любимым делом, любить самому и быть любимым. Всё это у меня есть. Так что я человек счастливым.

– Близкие люди знают, что ты вспыльчив. Всегда был таким, или жизнь испортила? Сильно ли тебе это мешает?

– Отвечу как на духу. Да, по натуре я эмоциональный, импульсивный, вспыльчивый, это верно. Пожалуй, всегда был таким. Могу легко взорваться, но отходчив и незлопамятен. Правда, после инфаркта я изменился, стал сдерживать свои эмоции, контролировать себя, относиться ко всему философски. Теперь мне это удается, хотя изредка всё же срываюсь. Но не на работе. «Учитесь властвовать собой» – пожелание мудрых. Следовать ему трудно, но возможно.

– Кто твои друзья и почему?

– В дружбе мне повезло. Правда, мне всегда казалось, что друзья мне давали и делали для меня больше, чем я для них. Но тут уж ничего не поделаешь. Мой самый давний друг, так сказать, закадычный – это известный ныне тележурналист Дукеш Баимбетов. Мы с ним познакомились еще в юности, в 1961 году, когда он работал диктором радио. И вот дружим уже больше сорока лет. Это настоящая дружба, крепкая, выдержавшая все испытания. За эти годы у нас была всего одна размолвка, в молодые лета. Два больших друга у меня на родине – Михаил Рассказов и Леонид Гяммер. В начале семидесятых стал моим другом авиатор Николай Федоров (ныне он живет в Крыму, но ежегодно приезжает сюда). О нём у меня есть стихи «Восходящие потоки».

К прискорбию, некоторые мои друзья уже ушли в мир иной. Это журналисты Владимир Дроздов, Виталий Криницкий, Геннадий Терец, Борис Гавриленко. Из оставшихся надежных друзей могу назвать и поэта Владимира Шестерикова, и тебя, Юрий Дмитриевич. Еще мои друзья – журналисты Людмила Леева и Лариса Черезова. Это основной дружеский круг. Есть и много добрых приятелей. А почему – сказать не могу. Не анализировал. Мне по душе крылатая фраза Михаила Светлова: «Дружба – понятие круглосуточное». Этому стремлюсь следовать.

– В твоих стихах с одинаковой пронзительной силой звучат как русские, так и казахские мотивы... Гундарев – русский поэт в Казахстане или казахстанский в России? Где теперь твоя родина?

– Сложный вопрос... И ответить на него не так-то просто. Казахстан для меня стал второй родиной. Но и без первой, подлинной, я не могу. Впрочем, об этом я написал в 1994 году:

Могло ль в кошмарном сне присниться,
 Что стало горькой явью дня:
 Теперь Россия – за граница
 Для россиянина меня.
 «Да что же приключилось с сыном, –
 Понять моя не может мать, –
 Что иностранным гражданином
 Ему втемяшилось вдруг стать?
 Ведь не в Америку уехал –
 А в том краю, что сердцу мил.
 Неужто кто-то ради смеха
 Такое людям учинил?»
 Нет, не постигнет разум здравый
 Враз изменившийся уклад, –
 Ведь суверенные державы
 Не ставят гражданам преград.
 А что у нас? Единым махом
 Воздвигнут был водораздел.
 Теперь для омского казаха
 И Казахстан – иной предел.
 Теперь из каждого аула
 Иль отдаленного села
 Добраться легче до Стамбула,
 Чем до Кургана иль Орла.
 Ну разве было неизбежным
 Вполне обычное сейчас:
 Всё то, что в ближнем зарубежье,
 Подальше дальнего для нас?
 А если вдруг проехать сможем
 Отсель в какой-нибудь Сургут,
 То рэкетеры из таможен
 Нас, будто липку, обдерут.
 Так вышло: я родился русским.
 И, значит, мне вменить в вину,
 Что вел страну имперским курсом,
 Осваивая целину,
 (Пустив под Вологдой и Курском
 Деревни многие ко дну)?
 Гораздо всё сложнее и... проще:
 Мне одинаково нужны
 Сибирские леса и рощи
 И даль ишимской стороны.
 И это – в сердце, в этом – счастье
 Навеки соединено,
 Не разделить его на части, –
 Ведь сердце у меня одно.

– Как ты оцениваешь современный литературный процесс в Казахстане? Что радует в нём и что огорчает?

– Что касается современного литературного процесса в Казахстане, то я могу в какой-то степени судить лишь о русской литературе. И ничего ут-

шительно сказать не могу. Во-первых, государству сегодня литература не нужна. Фактически это вещь в себе. Существует – хорошо. Нет её – тоже ладно. Для русской литературы есть Россия. И каждый русскоязычный поэт и прозаик варится в собственном соку. Издательское дело преимущественно стало частным. Из русских писателей остались те, что были раньше. Изредка они издаются. Мощного свежего притока нет. Об этом можно судить по «Ниве» и «Простору». (Кстати, «Простор» мне очень дорог, ведь в этом журнале я часто публиковался в прежние годы. Трудности, выпавшие на долю «Простора», я тоже принимаю близко к сердцу. Наши журналы не конкуренты, а собратья.) Хотя изредка талантливые имена возникают. Правда, появилась возможность издавать книги за собственный счет или находить богатого спонсора. Талантливому поэту или прозаику в этом не везет. В основном хлынул серый и мутный графоманский поток. В большинстве своем никакого отношения к истинной литературе эти книги не имеют. Очень редко в «навозной куче» макулатуры появляются жемчужины. Хорошо, что они есть. Но этого мало для того, чтобы говорить об успешном развитии русской литературы в Казахстане.

– Через твои руки проходит огромное количество графоманского творчества. Как ты со всем этим справляешься, не возникает ли отвращение к печатному слову?

– Конечно, раньше через мои руки проходило огромное количество графоманских изданий. Сейчас меньше, потому что эту обузу берут на себя в основном сотрудники журнала.

Редакция – своеобразная веялка. В одну сторону летит полова, мякина, шелуха, в другую – чистые зерна. А отвращения к печатному слову нет. Я сочувствую каждому пишущему. В том числе и графоманам. Ведь они не виноваты в том, что природа обделила их талантом... Отвращение у меня к непечатному слову.

– «Поэт в России больше, чем поэт», – сказал когда-то Евтушенко. А кто сегодня поэт в Казахстане?

– Я думаю, что формула Евтушенко была справедливой и верной для того времени, для советского периода. Нынче ситуация совершенно иная. Теперь и в России поэт меньше, чем поэт. То же самое и у нас в Казахстане.

Кто у нас в республике... Не буду касаться казахских собратьев по перу... Да всё те же поэты, что и были: Валерий Михайлов, Юрий Грунин, Любовь Шашкова, Надежда Чернова, Валерий Антонов, Бахытжан Канапьянов, Владимир Шестериков, Виктор Семерьянов, Ольга Григорьева, Ольга Шиленко, Сагин-Гирей... Еще с десяток фамилий можно перечислить. К сожалению, поэтическое слово ныне девальвировалось. Будем надеяться, что появятся новые яркие имена на литературном небосклоне.

* * *

Такие ответы я получил от Владимира Романовича в 2002 году...

Когда я читал его рукопись, она еще хранила терпкий, резкий аромат табака... И мне легко было представить самого Гундарева, бородатого, в темных очках, внешне невозмутимого, ироничного, аппетитно посасывающего свою любимую трубку.

Наверное, я бы мог что-то добавить к сказанному им и от себя. Например, то, что он трудоголик, что у него поразительное чутье на талантливых людей, благодаря чему очень многие из них смогли публично заявить о себе со страниц «Нивы». Я бы мог припомнить о его привычках и некоторых чудачествах...

Но я не буду этого делать: Владимир Романович исчерпывающе ответил на мои многочисленные вопросы, за что я ему благодарен.

Гундарев мог бы считать свою судьбу вполне удавшейся, даже если бы в ней «случилась» одна единственная «Деревенька», ставшая народной. А он еще создал журнал, без которого нельзя было представить тогдашний литературный процесс в Казахстане. Чего всё это стоило – знает только он сам.

Журнал забирал все его силы. Лишь в 2001 году он опубликовал в «Ниве» (второй раз за десять лет) подборку своих стихов. Там было и такое четверостишие, которое можно считать жизненным кредо Гундарева:

*За счастье, за удачу,
За всё, что по плечу, –
Сполна плачу и плачу,
Плачу и плачу.*

Я от души пожелал тогда Владимиру Романовичу и его любимому детищу долгих лет жизни. А в том, что они будут плодотворными, я нисколько не сомневался.

Вместо послесловия

Бывают в жизни встречи – как подарки судьбы. Именно такой стала для меня встреча с Владимиром Романовичем Гундаревым, когда он впервые приехал в Павлодар, чтобы организовать подписку на только созданный им журнал, и предложил мне войти в состав его редколлегии. Было это в самом начале 90-х годов прошлого века.

Мы с ним ходили по присутственным местам, встречали нас по-разному, но стоило мне напомнить, что со мной автор той самой «Деревеньки», как лица у многих сразу расцветивались улыбками, и поддержка журналу была обеспечена.

Тогда же я признался Владимиру Романовичу в том, что много лет считал «Деревеньку» народной песней, потому что слышал её с раннего детства. Когда у нас дома собирались гости и застолье достигало градуса, после которого душа требует песен, мой отец-фронтовик, начисто лишенный как голоса, так и какого бы то ни было певческого таланта, зычным голосом затягивал либо про трех танкистов, «которые выпили по триста, а четвертый выпил во семьсот», либо «деревня моя, деревенька-колхозница» (он пел именно так – «колхозница»).

Пройдет какое-то время, я напишу «Записки об отце», которые предназначались не для печати, а для семейного чтения, и дам их почитать В. Р. Гундареву, не особенно рассчитывая на сколько-нибудь значительный отзыв. И вдруг узнаю от него, что эти мои «Записки», казавшиеся мне сугубо личными, уже поставлены в очередной номер журнала. Я был к этому совершенно не готов и поражен словами В. Р. Гундарева о том, что я написал не только о своем отце, а в каком-то смысле обо всех наших отцах, не только победивших, но и, по счастью, уцелевших в той страшной войне. Очень тепло отозвался о тех «Записках» филолог и музыковед Н. Г. Шафер, чьим мнением я всегда дорожил.

С тех пор всё, что я писал и считал достойным журнальной публикации, отдавал только в «Ниву»: свои очерки и «блестки», рассказы и путевые заметки о поездках в США и Японию. Долго-долго подступался к «Хронике смутного времени» и, написав первую книгу, в больших сомнениях, не без душевного трепета передавал Володе (мы с ним уже давно перешли на ты) почти

800-страничный набор. Сказать, что я переживал – ничего не сказать... Я ведь знал, насколько он загружен и как бывает по-редакторски строг и даже безжалостен... Как он отнесется к хронике событий конца восьмидесятых и начала девяностых, о которых очень многим наоборот хочется забыть? Не покажутся ли ему эти записки малоинтересными и местечковыми? Владимир Романович не просто поддержал эту книгу, написал к ней доброжелательное предисловие, но и в течение трех лет печатал в «Ниве» из номера в номер «Хронику смутного времени» – все три книги, а также благожелательные отзывы о ней. Что, впрочем, не мешало ему время от времени иронизировать надо мной: вот, мол, есть авторы и даже члены редколлегии, что килограммовые рукописи шлют, а подписку на «Ниву» в своей области проваливают... Мы уже договорились о публикации очередной, четвертой книги, начиная с первого номера «Нивы» в 2013 году. К первому сентября я собирался отправить ему набор, а 25 августа 2012 года его не стало...

Я потерял одного из самых близких и дорогих людей. Он был мне не только другом, счастливо обретенным в годы, когда друзей обычно уже не заводят, не только собратом по перу и по мироощущению, но и, без преувеличения, старшим братом. Он нередко бывал у меня в доме, его знали и любили мои близкие; а я бывал в его доме и на его знаменитой даче (пока она была еще цела), где он жил с весны до осени каждое лето... А уж в «Ниве» мне приходилось бывать бесчисленное множество раз – по всем её четырем адресам...

Помню удивительную атмосферу «Нивы» первых лет и её первых сотрудников: милую интеллигентную Людмилу Григорьевну Помыткину – ответсекретаря, заведующего отделом публицистики – скромного немногословного Александра Ивановича Шафоростова; распространителя журнала, ведающего также всеми его хозяйственными делами, бывшего авиатора Федорова (имя-отчество, к сожалению, запамятовал); секретаря редакции – обаятельнейшую Раису Александровну... Друзей журнала, «штатников» и нештатников – Валерия Гука и Людмилу Лееву из «Акмолинской правды», Владимира Ивановича Бойко из пресс-службы сначала городского акимата, а затем Сената Парламента... Часто заглядывали на огонек один из первых учителей В. Р. Гундарева «вечный» Моисей Михайлович Гольдберг и друг Владимира Романовича еще целинной поры, известный казахстанский журналист Дукеш Баимбетов... В «Ниве» и издающейся в ту пору при ней газете начинал юный Дима Глухих – ныне авторитетный работник пресс-службы правительства... Кого только тогда, да и потом в редакции не бывало! А «основоположники» буквально горели своим новым большим делом. В редакции всегда стоял дым коромыслом – и в переносном, и в прямом смысле – от всегдашней редакторской трубки. Сам Владимир Романович говорил, что он проповедует в редакции «режим демократической диктатуры»...

Меня уже во время нашей первой встречи он приятно удивил открытостью, искренностью, деликатностью и еще какой-то, если можно так сказать, непорочностью... Он ведь уже тогда был известный поэт, сложился как личность и вполне мог заниматься своими литературными делами. Но он даже любимую поэзию оставил почти на целое десятилетие и всё время посвящал только журналу...

Первые годы существовала традиция – отмечать дружеским застольем каждую годовщину журнала. И я тоже на них бывал. Праздновали скромно, но весело, вскладчину: говорили тосты, танцевали и пели, общались – это было настоящее пиршество духа... Тогда же в «Ниве» родилась шутка: «Пасха... Скоро Поминов приедет...» Или – наоборот: «Поминов приехал... Скоро

Пасха...» Это потому, что день рождения «Нивы» часто совпадал с главным православным праздником.

Мало кто знает, каких трудов стоила «Нива» её создателю и главному редактору. Если желающих печататься в ней было хоть отбавляй, то денег на издание (за исключением недолгого времени, когда журнал находился под «крышей» «Казахстанской правды») постоянно не хватало. Подписка покрывала лишь часть издательских расходов, госзаказа даже в последние годы хватало в лучшем случае на полгода, а спонсоров было не так уж много. Нередко журнал месяцами печатался в долг, под честное слово редактора, а зарплату он, случалось, своим немногочисленным сотрудникам платил из собственной пенсии, возвращая личные потери (не всегда в полном объеме), когда деньги у журнала появлялись. Финансовые проблемы отравляли ему существование, были вечной головной болью и добивали его и без того не слишком здоровое сердце, которое в конце концов не выдержало... Хотя были, конечно, и другие жизненные коллизии, не добавлявшие оптимизма, душевного и физического здоровья.

И, тем не менее, я не погрешу против истины, если скажу, что те двадцать лет, что Владимир Романович отдал «Ниве», были едва ли не лучшей порой его жизни. Журнал, его любимое детище, приобрел не только всеказахстанскую, но и российскую, а с созданием его электронной версии – мировую известность, его читателями стали тысячи людей в десятках стран. «Нива» была удостоена мировых наград за качество, получать которые В. Р. Гундарев ездил в Париж, Нью-Йорк, Лондон. Это он – мальчик из глухой сибирской деревни, начинавший свою трудовую биографию прицепщиком... О своей малой родине он, кстати, никогда не забывал и ездил туда при любой возможности, почти каждый год.

Повторю, редактор «Нивы» все эти годы был, пожалуй, едва ли не главным собирателем литературных сил в Казахстане, месяц за месяцем, год за годом формировал своим журналом, который он нес по жизни, как крест, новый культурный слой людей...

Его заслуги признаны не только в Казахстане, где «русский сын казахского народа» был награжден орденом «Құрмет» и пятью медалями, республиканской премией имени Павла Васильева и другими литературными наградами, но и в России, отметившей его медалью Пушкина (чем он очень гордился). Он также был членом-корреспондентом Российской академии поэзии.

Возможно, самое главное, что в последние годы мы вновь услышали голос поэта Владимира Гундарева. У него как будто второе дыхание открылось: одна за другой стали выходить книги – «Я живу на планете любви», «Свет родины, свет любви», «Душа стремится к небесам», «Без пяти двенадцать»... Поэзия его обрела мудрость и глубину, но в ней была и такая свежесть чувств, которой могли молодые позавидовать.

Много времени и сил он отдавал переводам – с казахского, украинского, туркменского... И его переводили – на казахский, украинский, немецкий, корейский, словацкий, французский, испанский, португальский...

Он всегда много работал, никогда не признавал выходных. Один из самых близких его друзей Александр Юрьевич Тараков вспоминал, как они познакомились. Дело было в Наурыз, и он засомневался: стоит ли беспокоить человека в праздник? «Да Романыч всегда на работе!» – успокоили его. Так и оказалось: для В. Р. Гундарева не существовало в этом смысле ни выходных, ни праздников. В такие дни ему, наоборот, лучше работалось – меньше отвлекали...

Нельзя не сказать и о том, что Владимир Романович был жестким и последовательным поборником чистоты русского языка. Это подтверждают и строки его последнего поэтического сборника. Я знаю, как он решительно возвращал авторам «Нивы» тексты, где вместо буквы «ё» была «е», заявляя: «Не знаю, как вы, а мы букву “ё” давно реабилитировали!»

Когда я писал эти строки, прошло уже 40 дней со времени кончины Владимира Романовича. И не было ни одного дня, чтобы я не вспоминал о нем.

Когда-то, находясь несколько дней в Павлодаре, он написал и подарил мне шуточные как будто стихи:

*Помни, Поминов, меня
И в жару, и в злую стужу,
И когда я занедужу,
Не виня и не кляня,
Помни, Поминов, меня.
Помни, Поминов, меня.
И когда я стопку выпью,
Крикну лебедем иль выпью,
На заре ль, к исходу дня –
Помни, Поминов, меня!
Помни, Поминов, меня
И когда с похмелья буду,
Перебью с утра посуду
И не сяду на коня –
Помни, Поминов, меня!
Помни, Поминов, меня!
И когда уйду я – тоже.
(Все в твоей мы власти, Боже!) –
Память о былом храня,
Помни, Поминов, меня!*

Это стихотворение он включил в одну из своих книг, но почему-то без предпоследнего куплета, где «И когда с похмелья буду...». Я, не удержавшись, спросил: «У тебя что, полного текста не было? У меня бы спросил». И он, слегка смущаясь, что вообще-то было ему не свойственно, объяснил: «Там в одном четверостишье “рюмку выпью”, в другом – “с похмелья буду...” Подумают еще, что я горький пьяница...»

Кстати, о выпивке. Я помню времена, когда в хорошей компании он мог основательно «принять на грудь», притом не пьянея. И был у него даже свой фирменный способ, больше предназначенный для дам, когда он выпивал рюмку «с локотка», действительно пристраивая её на локоть и как-то очень ловко затем опрокидывая в рот, не расплескав ни капли. Но после перенесенного инфаркта стал ограничивать себя. Врачи установили ему норму – не больше ста граммов в день. Он завел себе специальную рюмку-мерку, в половину такого объема, и тянул одну, а потом другую всё застолье. Даже на президентские приемы с ней ходил, требуя, чтобы ему наливали дважды и вровень с краями – как раньше говорили, всклень. И выпивал свои сто граммов. Не больше, но и не меньше. Я потом даже «блестку» об этом написал.

А тот стих родился у него под настроение, наверное, в шутку. Получилось, как бывает у настоящих поэтов, всерьез. Помню тебя, Владимир Романович, и всегда буду помнить. И, уверен, буду помнить не только я...

Это было написано в октябре 2012 года для одного из последних номеров «Нивы», который был приурочен к годовщине со дня кончины его редактора. Но у меня оставался еще один долг перед моим литературным собратом, дорогим мне человеком.

Приезжая в Павлодар, В. Р. Гундарев, случалось, останавливался у нас дома. Так было и в его последний приезд в декабре 2011 года.

Романыч пребывал в благодушном состоянии и рассказал нам с Ольгой Григорьевой немало интересного о своей жизни – того, что не рассказывал другим. Мне, попыхивая трубкой, добавил: может, мол, напишешь когда-нибудь, чтобы не пропало бесследно.

Вот они, эти его истории, в моем изложении...

ЦЕЛИНОГРАДСКИЕ БЫЛИ ОТ ГУНДАРЕВА

Комитет помощи

Когда-то я работал корреспондентом Целиноградского областного радио. Там мы организовали комитет помощи молодым одиноким женщинам и вдовам (последних на самом деле не было ни одной), состоявший, само собой, из одних мужчин. Я был избран его генеральным директором. Любой из членов комитета мог составить заявление от имени любой «обездоленной» девицы или женщины, обычно шутивного или фривольного содержания, а я накладывал резолюцию: «Такому-то или такому-то оказать такой-то или такой-то посильную мужскую помощь». Иногда с пояснениями. Жалею теперь, что эта «деловая переписка» не сохранилась.

Кворум есть!

Конечно же, мы частенько выпивали на радио. Поводы всегда находились, и даже отсутствие повода могло стать поводом выпить. Но всё время на наши запланированные или экспромт-пирушки кто-нибудь опаздывал. И тогда мы решили избрать одного из самых надежных «Кворумом на постоянной основе», чтобы впредь уже никого из опаздывающих не дожидаться.

В очередной раз собрались, кого-то нет, и я строго спрашиваю:

– Кворум есть?

– Я здесь! – скромно отзывается избранный.

Кто-то еще не в курсе и в недоумении: о чем речь? А я отзываюсь:

– Ну что ж, тогда можно начинать!

Краткость как сестра выпивки

Краткость, известно, сестра таланта и, как говорили у нас на радио, теща гонорара. На наших пирушках временами утомляла необходимость тостов, которые кое у кого могли затягиваться. И тогда мы решили выработать раз и навсегда одну, максимально короткую, исчерпывающую формулу на этот счет.

Раньше, когда все тосты уже были сказаны, следовало однотипное:

– Есть предложение!

И ответный возглас:

– Нет возражений!

Мы решили, что и это слишком длинно – два последних слова в обоих случаях лишние. И тогда если кто-то возвещал: «Есть!» – все уже понимали, о чем речь, и тут же следовал ответ: «Нет!»

Это и был призыв выпить.

Орденосец Гундарев

Когда Л. И. Брежнева в очередной раз наградили – на этот раз орденом Победы – я вырезал его из журнала «Огонек», где был напечатан парадный портрет Генсека со Звездами Героя и с этим орденом, наклеил на картон. Нашел еще где-то иллюстрацию знака маршала Войска Польского, сделал с ним то же самое. И, пришив первый и второй к своему парадному плащу, появился в таком виде на радио. Конечно, произвел фурор, но могли и с работы турнуть...

Как уходит и возвращается голос

Какие только хохмы мы тогда не устраивали! Так у меня однажды «вдруг» голос пропал, накануне партсобрания, которое должно было снять (или оставить) партийный выговор, объявленный мне раньше за моральное разложение. Я ушел от первой жены, а она написала на меня заявление первому секретарю Целиноградского крайкома партии Кручине. Ну, и вклеили мне выговор по принципу: жене изменил – может изменить и Родине. Не хотелось мне опять оправдываться, хоть я уже и развелся с женой.

И вот день молчу, другой... Ко мне обращаются, а я только руками развожу или жестами показываю: что, мол, поделаешь, если голос пропал? Иногда в ответ записки пишу.

Мы иногда обедали в ресторане «Север» – я и там молчу. Ребята надо мной издеваются, даже официантка им выговаривала: что же вы так себя ведете с несчастным глухонемым?

И вот партсобрание... Я и там молчу... Сняли выговор, после чего наутро у меня и голос прорезался.

Но годы спустя судьба на мне отыгралась за тот мой давний розыгрыш. Я тогда вступил в СНЕК – Союз народного единства Казахстана, была такая партия, оппозирующая власти. Я должен был выступить на съезде этой партии. А у меня накануне голос пропал. Я лечил его всеми возможными способами, но не очень успешно – не говорю, а сиплю.

Выступать же всё равно надо. Стою перед микрофоном и пытаюсь объяснить: мол, пили вчера чай и кое-что еще, отсюда голос такой. В зале смешки, аплодисменты, даже присутствующий на съезде Н. А. Назарбаев оторвался от лежавших перед ним листов, встрепенулся, заулыбался. А ко мне – хотите верьте, хотите нет – тут же голос вернулся!

Без денег и в порванных штанах

Хрущевские времена, целина, областное радио, комсомол с его лозунгом: «Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым!»... Хрущев обещал, что наше поколение будет через двадцать лет жить при коммунизме, и мы ему, скорее, верили... И – чудо из чудес: меня за хорошую работу по освещению весеннего сева премируют путевкой в Крым, в Международный молодежно-комсомольский лагерь «Спутник» в Гурзуфе. А там, кроме нас, советских, еще и поляки, венгры, немцы из ГДР и даже французы и американцы. С одной американкой мы там задружили слегка, но о ней чуть позже...

Замечательно мы там время проводили. Кроме разного рода мероприятий, поездок по Крыму (даже в знаменитый Артек съездили), отдых, купание в море... А рядом, в санатории Министерства обороны, отдыхал Ю. А. Гагарин с семьей. Он был в то время, наверное, самым знаменитым и узнаваемым в мире человеком, ему нельзя было никуда выйти – его тут же облепляли люди. И его пригласили к нам в «Спутник». Он выступал перед нами и так

хорошо говорил, что возникало ощущение, будто разговаривал с каждым из нас. Невероятного обаяния человек!

Но надо же было и как-то и нам отдариться за эту замечательную встречу. И только на нас двоих с моим земляком-целиноградцем оказались подаренные нам значки с эмблемой «Спутника», которые мы им с женой подарили. Я был так горд этим обстоятельством!

В лагере была одна американка, говорившая по-русски. Звали её Констанция, но она мне сказала, что для меня она Кони. Я тут же в неё влюбился, мы подолгу гуляли вдвоем, разговаривали, я угощал её вином, не задумываясь о состоянии моего более чем скромного бюджета. Впрочем, отношения наши оставались сугубо платоническими – и потому, что я был совсем молод, и потому, может быть, что они уехали раньше, а мы еще оставались, пробыв там в общей сложности целых три недели.

Романические отношения с Кони сыграли со мной плохую шутку: я остался почти без денег, а еще умудрился единственные штаны порвать, и поэтому ходил, прикрываясь на людях газеткой. Оставшихся денег мне хватало только до Симферополя. Пошел там на радио: ребята вроде сочувствуют, но говорят, что надо идти к председателю. Зашел к нему, он в ответ: «Ты знаешь, сколько к нам таких, как ты, нуждающихся после отдыха в Крыму, приходят за помощью?» Потом стал расспрашивать и, услышав, что я делаю молодежную программу на Целиноградском радио, посоветовал обратиться в обком комсомола. Чаем меня там, спасибо коллегам, напоили, подкормили тем, что нашлось, а то я уже оголодал.

Пошел в обком, жду там секретаря, прикрывая газеткой разорванную штанину. Дождался, рассказал и ему свою историю. Нормальный оказался парень: ладно, говорит, раз целинник, да к тому же из самого Целинограда, дадим тебе 30 рублей, а ваш обком комсомола потом вернет. Тридцать-то рублей на билет хватит?

Выхожу из его кабинета задом: как бы не увидел, что у меня брючина разорвана, и бегом на вокзал. Купил билет до Целинограда, соседками оказались две девушки-еврейки, сестры. Я сразу хвост распушил – молодой, кудрявый, почти гусар. «А ты чего, – спрашивают, – газеткой всё прикрываешься?» Объяснил... «Ну так снимай, зашьем! Да ладно, не стесняйся, мы не смотрим!» И брюки зашили, и кормили до Москвы, и в поезд до Целинограда там посадили... Никогда не забуду тех девчонок!

Дома я, само собой, молчок про то, как деньги в Крыму прогулял и потом занимал. А из Симферополя пришел запрос в наш обком комсомола на возврат той тридцатки. Её у меня из зарплаты вычли, и, надо отдать должное нашим «обкомовцам», они на радио никого в детали этой финансовой операции не посвятили.

А история с Кони-американкой имела продолжение. Я ушел служить в армию, был уже членом Союза журналистов, публиковался в окружной военной газете. Было всё это в Азербайджане. И однажды вызывает меня «особист» нашей части и начинает, как бы между прочим, исподволь, расспрашивать: где успел побывать, может быть, с иностранцами общался? Ну, я ему – как на духу – и про международный лагерь, и про Констанцию: мол, даже влюблен был и даже переписывался... «А не хотел бы возобновить отношения?» – спрашивает. «Да какие отношения, я ведь женат уже, и как честный человек.... Да и как я ей напишу из армии, у меня и адреса нет...» – «А мы тебе дадим.» – «Да теперь-то она мне зачем?» – «Ну, ты, видим, человек надежный, тебе можно сказать: у нас есть подозрение, что она на их разведку работает».

Ну, я написал, а ответа нет. Особист потом сказал, что она в посольстве Швеции в Москве работает, и в моих услугах «они» больше не нуждаются.

Это ж надо только представить себе – как «они» за нами следили. И я даже понял как: у меня сосед был по комнате, из Львова, который каждой ночью куда-то уходил. Я же ему все рассказывал – и про Кони тоже...

Еще одним сыном быть не могу, а племянником согласен!

Есть у меня строки:

*Русский сын казахского народа –
Неспроста меня так нарекли.*

А также стихотворение, посвященное моему старшему другу и наставнику-еврею Моисею Гольдбергу, в котором я выражаю сыновьи чувства ему и его народу. Над обоими стихами всласть поиздевался в своих стихотворных пародиях поэт, прозаик, редактор «Простора» Валерий Михайлов. Я на него не в обиде: и пародии талантливы, и стихи, надо полагать, были неплохи, раз высекли еще и новые поэтические искры.

Но после двух этих моих стихов последовала неожиданная реакция коллеги – корейского журналиста. Ты же, говорит, в Южной Корее был, хорошо написал о корейцах, печатаешь их в своем журнале, так что вполне можешь считать себя и сыном корейского народа. На что я ему отвечал: ну нет, не могу я без конца разбрасываться званием сына, но согласен быть племянником корейского народа.

* * *

Ну вот, Владимир Романович, выполнил, наконец, этот твой теперь уже давний наказ. Помню тебя, как ты когда-то предсказывал («Помни, Поминов, меня!»), и всегда буду помнить. Мне тебя очень не хватает, и никто и никогда мне тебя не заменит.

Юрий ПОМИНОВ

В августе 2024 года отмечают:

80-летие

Акуштап Бактыгереева, поэт
Ардак Еженова, переводчик

70-летие

Омирзак Мукай, писатель

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

